

Дементьев Н.Е., Резниченко Г.А. - соискатель кафедры российской истории ТНУ.
**МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАЗЛИЧНЫХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ
КРЫМСКОЙ АССР В 20-е и 30-е ГОДЫ XX ВЕКА**

Обозначенный нами период в истории Советского государства всегда характеризовался как переходный от капитализма к социализму. На это время приходится разработка и использование принципов новой экономической политики, с которой многие обществоведы связывали и продолжают связывать значительные достижения страны в сфере экономики. Советской историографией утверждалось, что успехи 20-х годов явились предпосылкой «коренного перелома» в пользу социализма, что создавало благоприятные условия для роста материального благосостояния трудящихся. Советские историки и экономисты всячески изощрялись в попытках доказать преимущество социализма перед капитализмом на примерах из жизни рабочих и крестьян СССР. В угоду этому стремлению реальная действительность фальсифицировалась, оценки и выводы обосновывались отдельными нетипичными фактами.

Такая традиция была заложена советскими вождями. Выступая на XVI съезде ВКП(б) в 1930 году с политическим отчётом ЦК, И.В. Сталин показал пример социальной демагогии на этот счёт, которая в дальнейшем была возведена в ранг официальной политики. В докладе главы большевистской партии сохранился специальный раздел «Улучшение материального и культурного положения рабочих и крестьян». В нём приводились такие данные: на долю эксплуататорских классов в США приходилось в 20-е годы 59% национального богатства, а в СССР – только 2%. «Куда девается остальная масса народного дохода?» – вопрошал докладчик. И отвечал: «Ясно, что она остаётся в руках рабочих и трудящихся крестьян. Вот где источник силы и авторитета советской власти среди миллионов рабочего класса и крестьянства. Вот где основа систематического роста материального благосостояния рабочих и крестьян СССР... Не удивительно, что рабочие и крестьяне живут у нас, в общем, не плохо» [1].

Итак, по-сталински выходило, что основная масса населения Советского Союза жила в рассматриваемый период «в общем, не плохо». Капиталисты в очередной раз были посрамлены, проведенный Сталиным сравнительный анализ уровней жизни в СССР и США был не в их пользу. Сталинский пример стал достойным подражания почти для всех научных работников страны Советов. В многочисленных статьях, брошюрах, книгах воспевались её огромные достижения за годы Советской власти. В полной мере это относилось и к материальному положению трудящихся.

Но авторы данной статьи, изучая архивные материалы 20-30-х годов, обнаружили явное несоответствие между словом и делом: документы тех лет ни в коей мере не подтверждают «систематического роста материального благосостояния рабочих и крестьян СССР». Поэтому мы сочли целесообразным ознакомиться всех интересующихся историей советского общества со своими оценками и выводами по рассматриваемой проблеме, базирующимися на основе анализа этих документов. Кстати говоря, многие из них если и не были запрещены к выдаче исследователям, то оставались невостребованными ими по причине несоответствия требованиям политического заказа правившей в стране КПСС.

Для подготовки данной статьи, в основном, были использованы материалы по Крымской АССР. Но это вовсе не означает, что авторские суждения не выходят за её пределы. Напротив, они имеют самое непосредственное отношение к положению дел во всей стране, в которой жёстко проводилась в жизнь единая политика РКП(б)-ВКП(б). Всякие уклонения от большевистской линии в любом вопросе непременно пресекались. Практика осуществления большевистских установок унифицировалась во всех регионах СССР. Поэтому ситуация в Крыму является для нас «маленькой картинкой для выяснения больших вопросов».

В первые годы после окончания гражданской войны крымские власти не приукрашивали положение дел и информировали о нём ЦК РКП(б), в общем, объективно. В сводке за июль 1922 года Крымский обком партии сообщал: «Положение республики тяжёлое и характеризуется, прежде всего, разрастающимся массовым голодом, уносящим тысячи жизней. Не утихает политический бандитизм, особо выделяется ялтинский округ, где преобладают татары... В промышленности на 1 августа зарегистрировано 8000 безработных. Зарплата не выдаётся по 2-3 месяца. В Керчи проходит забастовка рабочих судостроительных мастерских» [2].

Советские органы Крыма в свою очередь информировали ВЦИК и СНК РСФСР о недоступности для населения полуострова большинства продуктов питания из-за непомерно высокой их стоимости. По данным КрымСНК к 1 октября 1922 года цены на продукты питания выросли за месяц в два раза и составляли: мука пшеничная – 11 500 000 рублей за пуд, крупа гречневая – 350 000 рублей за фунт, картофель – 150 000 рублей за фунт, мясо говяжье – 300 000 рублей за фунт, масло сливочное – 2 400 000 рублей за фунт, масло подсолнечное – 1 100 000 рублей за фунт, сахар-песок – 2 800 000 рублей за фунт, кофе ячменный – 600 000 рублей за фунт, соль – 75 000 рублей за фунт [3].

Причины бедственного положения Крыма его власти объясняли тогда последствиями гражданской войны и стихийным бедствием – сильной засухой лета 1921 года. Но в 1923 году с голодом и бандитизмом было покончено: был получен сравнительно высокий урожай, властные структуры прилагали усилия к расширению посевных площадей, к полному восстановлению сельского хозяйства республики. Но достигнуть желаемого им не удавалось. В 1925 году крымские власти были вынуждены признать нереальность своих прежних сельскохозяйственных планов, и стали разрабатывать новые.

Крым не являлся исключением: именно весной 1925 года российские власти внесли существенные изменения в Земельный Кодекс страны: были существенно расширены возможности использования наёмного труда и арендных отношений в деревне. Прежняя ставка властей на бедноту не оправдывала себя: подкармливаемая властью, она не была заинтересована в результатах своего труда. Для восстановления сельского хозяйства и увеличения его валовой продукции было решено задействовать наиболее опытные в хозяйственном отношении и трудолюбивые слои крестьянского населения. Новая экономическая политика благоприятствовала этому. И результат не замедлил сказаться: в 1927 году был получен самый высокий урожай зерновых и специальных культур, существенно расширилась посевная площадь. Но довоенный уровень развития сельского хозяйства достигнут не был.

В связи с празднованием 10-летия Советской власти в России Крымский обком партии рапортовал Москве о небывалых успехах экономики республики. В периодической печати появились статьи, воспевавшие на все лады преимущества социалистического образа жизни перед капиталистическим, о счастливой и материально обеспеченной жизни рабочих и крестьян в СССР в целом и отдельных его регионах. В подтверждение этого приводилось множество примеров из крымской действительности. Но вместе с тем приходилось признавать и наличие «некоторых изъянов» в социальной политике. По понятным причинам они оставались в тени и перед населением не раскрывались. В противном случае на их фоне весьма жалкими выглядели бы восхвалявшиеся достижения.

Между тем сохранившиеся архивные материалы рисуют нам подлинную картину состояния экономики и социальной сферы Крымской АССР на протяжении всего периода 20-х годов. К началу 1924 года в республике числилось 18563 рабочих и 19892 служащих. Среднемесячная зарплата рабочего составляла 43 рубля 86 копеек, служащего – 44 рубля 53 копейки. На 1 января 1924 года числилось 23128 безработных, на 1 августа того же года – 23429 [4].

В конце 1924 года Крымский обком партии принял постановление о режиме экономии, в котором говорилось: «В целях соблюдения наибольшей экономии в расходовании средств, дальнейшего снижения цен, уменьшения накладных расходов установить для всех групп работающих всех ведомств, предприятий и учреждений, как находящихся на госбюджете, так и переведенных на хозрасчёт, не исключая кредитных учреждений и смешанных акционерных обществ, в которых преобладает госкапитал, и кооперативных организаций наибольший предельный размер ставки первого разряда в 12 рублей» [5].

При осуществлении этой установки снижения цен на товары первой необходимости и продукты питания не произошло, но зарплата рабочих и служащих заметно уменьшилась. В отчёте Крымского ОК РКП/б/ за 1925 год констатировалось: «Средний бюджет рабочего составил 30 рублей в месяц, кустаря – 40 рублей, служащего – 25-35 рублей, крестьянина-бедняка – 15-20 рублей, середняка – 30-60 рублей, кулака – 100-150 рублей» [6].

В последующие годы масштабы безработицы в Крыму возрастали. На 1 января 1927 года безработными являлись 22 тысячи человек, на 1 марта того же года – 25 тысяч. Проблему ликвидации безработицы крымские власти пытались разрешить путём создания трудовых коллективов для проведения общественно-полезных работ. Такая практика имела место в Симферополе, Севастополе, Керчи, Феодосии, Евпатории, Ялте, Старом Крыму, Бахчисарае, Карасубазаре, Джанкое и Сарабузе. Но оплата труда в таких коллективах была мизерной: в 1925 году она составила 1 рубль 42 копейки в месяц, в 1926 году – 2 рубля 6 копеек, в 1927 году – 2 рубля 56 копеек [7].

Несмотря на широко пропагандировавшиеся достижения в развитии экономики, зарплата работников Крыма бюджетной сферы в течение 1925 – 1927 годов не только не возросла, а уменьшилась, о чём свидетельствуют следующие данные [8]:

Фонды зарплаты по госбюджету Крымской АССР (в рублях)

Наименование организаций и учреждений	Фонд зарплаты в 1925 году	Фонд зарплаты в 1927 году
КрымЦИК	70 455	68 236
Крым СНК	93 045	90 241
Наркомюст	143 230	143 230
Наркомпрос	250 180	222 802
Наркомздрав	300 150	262 745
Наркомсобес	15 200	11 986
Наркомзем	325 000	300 000
ЦАУ	100 000	73 000
ВСЕГО:	1 297 260	1 221 632

Приведенные цифры показывают снижение в 1925-1927 годах расходов крымской автономии на зарплату бюджетников более чем на 75 тысяч рублей. Такая тенденция продолжалась до конца 20-х годов. Побывавшая в 1929 году в Крыму комиссия ЦК ВКП (б) отмечала: «Промышленность республики продолжает, в основном, бездействовать, безработица не ликвидирована, зарплата рабочих постоянно снижается, что вызывает их недовольство политикой властей. Имеют место забастовки, принимающие полити-

ческий характер» [9].

Не лучшим образом складывалось положение в крымской деревне. На основе анализа отчётов райкомов партии о работе за 1924 год Крымский ОК РКП (б) заключил: «Общее настроение крестьянства в настоящее время не является удовлетворительным» [10]. Что же послужило основанием для таких выводов? В 1923 и 1924 годах впервые были проведены обследования состояния питания различных социальных слоев сельского населения. Они показали, что по количеству и калорийности потреблявшейся пищи все социальные слои крестьянства (от самых беднейших до зажиточных) питались примерно одинаково, крайне скудно. Объяснялось это двумя факторами: с одной стороны, власть оказывала материальную поддержку беднякам и батракам, на которых опиралась при проведении своей политики в деревне; с другой стороны, основная тяжесть сельхозналога перекладывалась на сравнительно состоятельные слои крестьянства, что уравнивало их возможности с бедняками.

Могла ли такая политика удовлетворить настоящих хозяев? Конечно же, нет! Продовольственные и земельные мероприятия властей были нацелены не на развитие экономики деревни, а на сохранение и укрепление Советской власти. Становится понятным отношение к такой политике со стороны основных масс крестьянства. Не менялось положение дел и во второй половине 20-х годов. Об этом свидетельствуют официальные данные Крымского ЦСУ о выборочных обследованиях состояния питания крестьянских семей в 1925, 1926, 1927 годах. Для наглядности приведём итоги обследований за два последних обозначенных года [11].

Среднее дневное потребление продуктов питания в кг в переводе на 1 взрослого мужчину:

Типы крестьянских хозяйств	Весна 1926 года		Весна 1927 года	
	физический объём питания	количество калорий	физический объём питания	количество калорий
Беспосевные	2,271	4335	2,087	3971
Малопосевные	2,332	4430	1,956	3782
Среднепосевные	2,293	4302	2,350	4375
Многопосевные	2,246	4158	2,096	3953

Приведенные выше данные, как и за 1923-1924 годы, наглядно убеждают в том, что крестьяне среднепосевных и многопосевных хозяйств питались не лучше крестьян малопосевных и даже беспосевных хозяйств. Выходило так: трудись или не трудись, результат будет один и тот же. По оценке специалистов, указанные в таблице нормы крестьянского питания лишь поддерживали физическое существование людей, но в несколько раз были меньшими в сравнении с реальными потребностями человеческого организма.

Все эти негативные стороны материального положения населения страны в 20-е годы было принято именовать «некоторыми изъятиями». Списать их на гражданскую войну и стихийные бедствия было уже невозможно: они давно ушли в прошлое. Власть стремилась не раскрывать их перед народом, держать в тени. С начала 30-х годов серьёзные проблемы в удовлетворении самых простых потребностей населения в товарах и продовольствии рекомендовалось считать «трудностями роста». Пример того, как следовало их объяснять, показал на XVI съезде партии И.В. Сталин.

«Наши трудности, – говорил он, – коренным образом отличаются от трудностей капиталистических стран. Их трудности – трудности упадка. Когда же мы говорим о наших трудностях, имеем в виду не упадок и не застой в развитии, а рост наших сил, подъем наших сил, продвижение нашей экономики вперёд... Следовательно, наши трудности есть трудности роста, трудности продвижения вперёд». Причина этих трудностей, по мнению И.В. Сталина, состояла в том, что за ними скрывались классовые враги трудящихся. Для преодоления их необходимо прежде всего отбить атаки капиталистических элементов, подавить их сопротивление и таким образом расчистить дорогу для быстрого продвижения вперёд. Речь шла об организации «наступления социализма по всему фронту» [12].

С подачи «вождя и учителя всех народов СССР» любые возникавшие в 30-х годах проблемы политического и экономического характера будут объясняться властями сопротивлением капиталистических элементов. Такие объяснения позволят лидерам большевизма обосновывать «обострение классовой борьбы на завершающем этапе построения социализма», использование массовых репрессий в качестве «средства наступления на нэпманов и кулаков». В искусственно созданной сложной политической обстановке 30-х годов вопросы материального положения населения страны отступали на второй план. Первенствующее значение приобретала политическая борьба.

В 1931-1932 годах крымские органы власти и управления настойчиво проводили в жизнь директивы российского центра о массовой коллективизации деревни и ликвидации кулачества как класса. Последствия этих мер оказались для полуострова трагическими. Экономика республики оказалась полностью разорённой, государственная казна опустела. Власти вынуждены были искать новые источники её наполнения.

6 июня 1931 года ЦИК и СНК Крымской АССР приняли постановление «О перечне и ставках мест-

ных налоговых сборов на 1931-1932 годы». Согласно ему устанавливались следующие виды сборов: с транспортных средств частного сектора (с выездной лошади в полугодие 55 рублей, с рабочей лошади – 11 рублей); со скота частного сектора (с головы крупного рогатого скота в полугодие 15 рублей); с посетителей публичных зрелищ и увеселений; с лиц, лишённых права быть сельисполнителями; с владельцев собак (от 1 до 5 рублей в полугодие в зависимости от размера зарплаты, с лиц свободных профессий – 6 рублей, с нетрудовых элементов – 10 рублей; земельная рента; со строений; с древесины частного сектора; со счетов в банках [13].

Осенью 1931 года крымские власти предприняли обследование колхозов по вопросам организации труда и распределения доходов. В ходе его была выявлена безотрадная картина: оценка труда производилась исключительно в трудовнях, внутри бригад царил уравниловка, наблюдалась пестрота по нормам выработки, крайне слабая дисциплина труда и плохая его организация, дороговизна содержания административного аппарата колхозов, безответственность за состояние дел в колхозном производстве [14]. Вдобавок к этому проверочные комиссии пришли к выводу о том, что плачевное состояние колхозов не может оправдывать получение колхозниками «высоких доходов». На этом основании Крымский обком партии, КрымЦИК и КрымСНК дали на места указание «отрегулировать распределение доходов». В соответствии с ним большинство руководителей хозяйств стали задерживать оплату трудодней. А к весне 1933 года зерновые резервы колхозов были полностью сданы в счёт сельхозналога в «закрома государства».

Последствия этого шага быстро проявились: на имя секретаря Крымского обкома ВКП (б) Семёнова и председателя КрымСНК Самединова из районов стали поступать сведения о распространявшемся массовом голоде среди крестьян. Руководители районов обращались к республиканским властям с просьбами оказать им материальную поддержку. В ответ на них Крымский ОК ВКП (б) развернул активную работу по поиску «виновников» создавшегося положения. Начались проверки и чистки аппаратов ряда Наркоматов республики. Эти меры преследовали лишь одну цель: вывести из под критики партию и государство, свалить всю ответственность за новые беды крестьянства на конкретных «врагов народа». Но они никак не влияли на улучшение материального положения трудящихся.

В начале 1934 года Крымский обком партии сообщил ЦК ВКП (б): «Крымская республика переживает очень напряжённое положение со снабжением хлебом». И в то же время рапортовал: «В 1933 году Крымская республика выполнила годовой план поставки зерна государству с перевыполнением». В подтверждение этого приводились следующие данные: [16]:

Заготовлено в Крыму зерна в тоннах на 10 января 1934 г.

Виды поставок зерна	План	Выполнение	Перевыполнение
Хлебопоставки	178.542	185.516	6.974
Натуроплата МТС	40.900	44.561	3.661
ИТОГО:	219.442	230.077	10.635

Обком партии просил ЦК ВКП (б) распространять на Крымскую АССР действие его постановления об образовании местного хлебного фонда за счёт перезаготовок, «предоставив в распоряжение Крыма всё количество хлеба, перезаготовленное сверх плана (10 635 т.)».

Остаётся неизвестным, как Москва отреагировала на эту просьбу крымского руководства. Но известно другое: 6 марта 1934 г. в Крым прибыл «всероссийский староста» М.И. Калинин и встретился с партноменклатурой республики. «Первый вопрос, который стоит перед председателями сельсоветов и колхозов, – сказал он, – это политически оздоровить колхозы... Как видно, колхозы развиваются. Правда, развитие несколько задерживается (как можно понять это блудливое словосочетание? – Прим. авторов). Я думаю, что дальше будет легче, так как основной порог во все предыдущие годы лежал в нехватке хлеба. В настоящее время мы начали с хлебом справляться. В прошлом году, хотя в ряде местностей (Украина, Северный Кавказ) и тяжело было с хлебом, но многие области запаслись последним, я подразумеваю не государственный запас хлеба, а скрытый запас у колхозников. Несомненно, что и в Крыму остаётся запас хлеба до нового урожая» [17].

В своё время В.И. Ленин и его сподвижники тоже считали, что у «крестьянина-скупердя» в загашнике всегда имеется запас на всякий непредвиденный случай и обобрали его продрозвёрсткой до нитки, что в немалой степени обусловило массовый голод 1921-1922 годов, доведённый до людоедства. Теперь, в 30-х годах, снова слышались те же ленинско-большевистские мотивы о «скрытых запасах у колхозников» в исполнении соратников И.В. Сталина. К чему это привело, показывают архивные документы.

Сельскохозяйственный налог по Крымской АССР на 1935 год оказался более высоким в сравнении с предыдущим годом. Властные структуры республики в ряде своих писем в адрес ЦК ВКП (б) и СНК РСФСР (а также лично товарищам И.В.Сталину и В.М.Молотову) просили снизить его до уровня 1934 года. В обоснование этих просьб приводилось сопоставление объёмов поставок зерна государству в 1934 и 1935 годах в целом по республике и отдельным районам Крыма, об огромных очередях в городах за хлебом, о перебоях в торговле им, о существенном снижении отпуска хлеба рабочим [18].

Но страдало не только население городов, ещё в худшем положении оказалось крестьянство. В 1937-1938 годах на него были наложены дополнительные тяготы – налоги со строений и с передвижной торгов-

ли. Крестьяне-колхозники попали в положение бесправных по отношению к руководителям коллективных хозяйств. 19 января 1937 года секретарь Крымского ОК ВКП (б) Лаврентьев на совещании секретарей райкомов партии так характеризовал произвол советских чиновников: «Приходит председатель колхоза и забирает корову, полученную в премию. Колхозник пишет Наркомму. Я видел массу жалоб о том, что у них забрали коров – у рабочих МТС, у колхозников. Приходят домой, и забирают корову председатель колхоза, директор МТС. И таких случаев очень много. Имеется масса фактов, когда приезжает зав. Райзо к колхознице и забирает ягнёнка, корову, землю – приусадебный участок» [19].

Советская власть устами своих предводителей к этому времени заявила, что она успешно заменила индивидуально-крестьянское производство товарного хлеба производством совхозов и колхозов. Но это не соответствовало действительности. До конца 30-х годов недостаток продовольствия ощущался всё острее. Не была исключением в этом плане и Крымская АССР, о чём свидетельствует принятое 8 декабря 1939 года бюро Крымского ОК ВКП (б) постановление «О торговле хлебом в Крыму», подписанное секретарём обкома В.С. Булатовым. В нём отмечалось «крайне тяжёлое положение с обеспечением населения продовольствием, скопление огромных очередей за хлебом в городах». В связи с этим бюро обкома партии просило ЦК ВКП (б) и СНК СССР:

- «1. Отпустить на декабрь 11.000 тонн муки.
 2. Отсрочить удержание 9.000 тонн муки из лимита за ноябрь.
- Тем самым дать возможность смягчить положение в республике» [20].

Но не все категории населения страны, в том числе и в Крымской АССР, испытывали бедственное материальное положение. В СССР имелась привилегированная прослойка, именовавшаяся партгосноменклатурой, которая была как бы «государством в государстве» и охарактеризованные выше «трудности роста» на себе почти не испытывала.

Как свидетельствуют архивные документы, в разгар массового голода 1921-1922 годов управлявший делами КрымСНК Бугаевский неоднократно требовал от Наркомпрода первоочередного снабжения продовольствием руководящих кадров республики, что беспрекословно выполнялось. К нашему большому удивлению, сохранились отчёты складов Крымского обкома партии о движении в них товаров и продовольствия за январь-октябрь 1922 года. В них поименованы: мука пшеничная американская – 2496 пудов, мясо – 149 пудов, рыба – 55 пудов, молоко сгущённое – 787 банок, рис – 431 пуд, подсолнечное масло – 171 пуд, фасоль – 478 пудов, сахар – 412 пудов, мука ржаная – 4661 пуд, шоколад – 1093 плитки, брынза – 10 пудов, сардины – 110 коробок, горошек – 111 пудов, сало – 51 пуд, крупа – 56 пудов и т.п. Здесь же значатся кожаные пальто, манто, фраки, шубы, разного рода сукна и ситцы [21].

В указанный период номенклатурные работники получали ежемесячные пайки, стоимостью 2500 рублей каждый. В состав такого пайка входили: мука – 1 пуд, сахар – 5 фунтов, рис – 5 фунтов, молоко сгущённое – 2 банки, маслины – полфунта. Какао – 1 фунт, шоколад – 8 плиток, сардины – 2 коробки, веткалин – 1 фунт [22]. Есть все основания предположить, что рядовые граждане Крыма о существовании целого ряда из названных продуктов даже не знали, для руководящих партийных и советских работников при Крымском обкоме партии, КрымЦИК и КрымСНК действовали специальные столовые и буфеты, имевшие литеры А, Б, В, соответствовавшие рангу обслуживавшихся ими клиентов.

Но и этого крымской партгосноменклатуре было недостаточно. В начале 1923 года она потребовала от центрального комитета по борьбе с последствиями голода, в адрес которого шла зарубежная помощь, продать СНК Крымской АССР 9 000 долларов. Они были необходимы властной элите для того, чтобы иметь дополнительную возможность покупать товары и продукты в коммерческих магазинах зарубежных стран [23]. Так зародилась советская традиция при жизни В.И. Ленина.

Она была продолжена «верным его учеником» И.В. Сталиным. Приведём некоторые из документов, относящиеся к 30-м годам.

29 октября 1932 года бюро Крымского обкома партии приняло решение «Об улучшении снабжения областного и районного партактива». Оно состояло из трёх следующих пунктов:

- «1. Создать в системе ГОРТа специальный сектор по снабжению областного и районного партактива.
2. Общее руководство сектором возложить на лечебную комиссию ОК. Утвердить руководителем сектора Меламуда, поручив ему создать продовольственную базу, организацию столовой.
3. Поручить СНК выделить необходимые для этого средства». 12 «слуг народа» в лице членов бюро обкома проголосовали за принятие решения единогласно [24].

2 августа 1934 года бюро обкома партии приняло новое решение «О состоянии снабжения партактива», в котором говорилось: «Ввиду недостаточного количества получаемых продуктов на снабжение партактива, поручить т.т. Неструеву, Копылову, Яровому провести с 15 июля сокращение контингента прикреплённых, доведя их до 95 человек по правительственному магазину и столовой, до 200 человек по магазину №2 и до 500 человек по магазину №3, принимаемая на снабжение строго по утверждённым настоящим постановлением спискам номенклатуры работников» [25].

В мае-июне 1934 года Крымский обком партии несколько раз обсуждал вопрос о продовольственном снабжении населения республики. Одно из принятых им решений именовалось «О сокращении норм выдачи хлеба рабочим», другое – «Об улучшении снабжения партактива». В первом постановлении предлагалось сократить выдачу хлеба рабочим первой категории с 1000 граммов до 800, второй категории – с 800 до 600, третьей – с 600 до 500, сняв со снабжения хлебом всех иждивенцев служащих. Во втором поста-

новлении поручалось: «Обеспечить Крымсоюзу (т. Крумину) и Сельхозуправлению Крымсоюза (т. Коновальчуку) ежеквартальный отпуск спецснабжения: молока – 30 000 литров, сельдей – 10 тонн, огурцов ранних – 5 тонн, луку зелёного – 6 тонн, редиса раннего – 4 тонны, картофеля раннего - 50 тонн из своих колхозов и за счёт спецзаготовок». Другим ведомствам в этом же документе поручалось поставлять на нужды партактива в квартал: 5 тонн мёда, 150 тонн фруктов, 100 ящиков яиц, 500 овец, мясо, жиры и прочее [26].

Так начинала гибнуть Советская власть, всё более терявшая доверие трудового народа. Имевшая своё продолжение до начала 90-х годов, социальная демагогия не могла быть безнаказанной бесконечно, и явилась одной из причин запрета деятельности КПСС и распада СССР.

Литература

1. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. - М.-Л.: Госиздат, 1930. - С. 34-35.
2. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РХИДНИ). - Ф. 17. - Оп. 14. - Д. 393. - Л. 181-182.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). - Ф. 2313. - Оп. 4. - Д. 129. - Л. 17-18.
4. Государственный архив Автономной Республики Крым (ГААРК). - Ф. 1. - Оп.1. - Д. 310. - Л. 238.
5. Там же. - Д. 322. - Л. 2.
6. Там же. - Д. 333. - Л. 15.
7. Там же. - Д. 609. - Л. 67.
8. ГАРФ. - Ф. 2313. - Оп. 4. - Д. 566. - Л. 18-19; ГААРК. - Ф. Р-652. - Оп. 1. - Д. 939. - Л. 111-112.
9. РХИДНИ. - Ф. 17. - Оп. 14. - Д. 455. - Л. 89-90.
10. ГААРК. - Ф. 1. - Оп.1. - Д. 333. - Л. 15.
11. Бюллетень Крымского ЦСУ. - 1927. - № 8. - С. 95.
12. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт. - М.-Л.: Госиздат, 1930. - С. 36.
13. Бюллетень ЦИК и СНК Крымской АССР. - 1931. - № 30. - С.1-6.
14. ГААРК. - Ф.1. - Оп.1. - Д. 1108. - Л. 1-15.
15. Там же. - Д. 1201. - Л. 155-156, 179-180, 189, 230.
16. Там же. - Д. 1335. - Л. 1.
17. Там же. - Д. 1323. - Л. 25.
18. Там же. - Д. 1310. - Л. 194; Д. 1404. - Л. 1-4; 53-57; Д. 1422. - Л. 6-8.
19. Там же. - Д. 1818. - Л. 1-10.
20. Там же. - Д. 1935. - Л. 406.
21. Там же. - Д. 121. - Л. 112, 122.
22. Там же. - Д. 266. - Л. 20.
23. Там же. - Ф. Р-652. - Оп. 1. - Д. 255. - Л. 1.
24. Там же. - Ф.1. - Оп. 1. - Д. 1142. - Л. 17.
25. Там же. - Д. 1309. - Л. 49.
26. Там же. - Л. 162, 205-206.